

Письма Г. Е. Благосвѣтлова.

Ниже мы печатаемъ семь неизданныхъ писемъ извѣстнаго публициста Григорія Благосвѣтлова къ его сотруднику и другу А. П. Пятковскому.

Благосвѣтловъ — яркая личность въ русской литературѣ, начинающая съ 60-хъ годовъ (вплоть до 80-хъ). Другъ Герцена, редакторъ-издатель журнала „Русское Слово“ (1860—1866), гдѣ тогда главенствовалъ и пылалъ блестящій талантъ Д. И. Писарева, основатель народническаго „Дѣла“ (съ 1866—80 г.), Благосвѣтловъ сконцентрировалъ вокругъ своего журнала крупнѣйшія литературныя силы 60-хъ годовъ. Однимъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ „Дѣла“ былъ и небезызвѣстный А. П. Пятковскій, впоследствии редакторъ-издатель „Наблюдателя“. Пятковскій завѣдывалъ нѣсколькими отдѣлами въ „Дѣлѣ“ и, между прочимъ, и пестрымъ „Калейдоскопомъ“.

За послѣдніе годы катарръ горла изнурилъ Благосвѣтлова до послѣдней степени. Болѣзненный и слабый, онъ уже не покидалъ свою квартиру, и тяжкій недугъ не позволялъ ему даже принимать у себя сотрудниковъ „Дѣла“ и вести съ ними переговоры, почему онъ и прибѣгалъ къ письмамъ, въ которыхъ инструктировалъ своихъ сотрудниковъ и указывалъ имъ, какъ откликаться на событія текущаго момента. Цикль такихъ писемъ Благосвѣтлова къ Пятковскому мы и приводимъ здѣсь. Чего въ нихъ нѣтъ: цензурныя мытарства „Дѣла“, современныя литературныя новости и выпады противъ разныхъ лицъ, а главное, какъ это ни злободневно и нынче, порицаніе дѣйствій С.-Петербургской Городской Думы за хищенія при постройкѣ Литейнаго моста, о неустройствѣ газоваго освѣщенія—

словомъ,—о хозяиначаньѣ тогдашнихъ стародумцевъ, оставившихъ своихъ продолжателей и понынѣ, т.-е. спустя 40 лѣтъ безъ малаго...

Что и говорить—русская жизнь послѣдовательна.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Безъ вины виновать я передъ Вами. „Калейдоскопъ“ отложенъ до слѣдующей книжки, и вотъ почему. Вся книжка полна чумы, такъ что я боюсь, чтобы ее не приняли за чумную... „Внутреннее Обзорѣніе“ трактуетъ о чумѣ, Полотебновъ говоритъ о чумѣ, „Картинки“— о чумѣ, такъ что пожалуй стошнить читателя, которому не страшна чума. Нѣтъ сомнѣнія, что я могъ отложить до слѣдующей книжки или „Внутренн. Обзорѣн.“ или Полотебнова, но дѣло въ томъ, что они были раньше набраны. 20 февраля книжка была уже готова, но ее на цѣлыхъ восемь дней задержала цензура, благодаря ошибкѣ типографіи, напечатавшей статью безъ цензора. Ну, и пришлось хлопотать, чтобы не повѣсили и позволили перепечатать статью послѣ прочтенія цензоромъ.

Впрочемъ, „Калейдоскопъ“ только выиграетъ отъ этой маленькой задержки. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что и иностранные врачи раздѣлились на два лагеря: одни утверждаютъ что была чума, а другіе — нѣтъ. Полемика дѣло выяснитъ и Вамъ останется дать послѣдній результатъ всѣхъ споровъ и недоразумѣній. А это очень важно. За что же мы потеряли нѣсколько милліоновъ и развѣ насъ мало умираетъ и не отъ чумы? Пишу Вамъ потому, что все еще боленъ и не могу повидаться съ Вами лично.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Книгу Градовскаго Вамъ доставятъ, и я очень радъ, что Вы потолкуете о семъ политикѣ конюшеннаго вѣдомства. Но о Бѣлинскомъ у насъ была статья Шашкова и запрещена цензурой. Надо справиться, дозволятъ ли статью другого автора и въ другомъ видѣ (запрещена она была за то, что авторъ указалъ на вліяніе Бакунина въ развитіи Бѣлинскаго).

Утина я отложилъ до декабрьской книжки; онъ всегда будетъ біеп вери въ „Калейдоскопѣ“; отложилъ во-первыхъ потому, что и безъ него Калейдоскопъ около двухъ листовъ; а во-вто-

рыхъ онъ ведетъ безвозмездно одно редакціонное дѣло (о правѣ продавать книги въ конторѣ „Дѣла“) и будетъ на дняхъ защищать его въ Сенатѣ. Неловко благодарить его Калейдоскопомъ; или надо предупредить его, что намѣрены немножко поскоблить съ него его аристократическій пушекъ. Во всякомъ случаѣ, онъ останется про запасъ. Постараюсь увидѣться съ Вами и лично потолкую объ этомъ подробнѣе.

16 ноября 1876 г.

Душевно преданный Вамъ

Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Посылаю Вамъ книжку Зеленскаго. Посмакуйте ее и доложите пустозвону Боборыкину, что въ ней кромѣ бумаги нѣтъ ничего, что принадлежало бы автору. Во всякомъ случаѣ надо знать тотъ языкъ, на которомъ мы рѣшаемся доучать другихъ.

1 декабря 1876 г.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ“.

„Вчера я собирался къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, но меня задержали и теперь до выхода книжки я изъ своего хомута не вырвусь, чтобы побывать у Васъ. Поэтому не считаю лишнимъ черкнуть Вамъ нѣсколько строкъ.

1. Вы, конечно, не оставите вниманіемъ вашего „Калейдоскопа“ такого университетскаго шантажа, какъ доносъ Л.; онъ такъ и бѣжитъ на Васъ.

2. 1-ая книжка будетъ выпущена 17 или 18 января.

3. Очень жалѣю, что намъ не удалось потолковать заранѣе о романѣ Тургенева, но я думаю, что онъ произвелъ на Васъ такое же впечатлѣніе, какъ и на меня. Это старческое озлобленіе, агонія умирающаго таланта, брюзжаніе на что, на кого то, но на кого и на что именно—ничего не разберешь. Тутъ все есть, но нѣтъ прежняго честнаго и умнаго Тургенева. Наша критическая статья отзовется о немъ рѣзко.

12 января 1877 г.

Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Давно я соби-
рался написать Вамъ, но ужъ очень одолѣли недуги. Въ одномъ
изъ своихъ писемъ Вы говорите, что Вами будутъ затронуты
городскія дѣла. Давно слѣдуетъ заглянуть въ эту темную за-
куту. Хотя въ „Картикахъ“ вопросъ этотъ затронуть, но
вскользь и вяло, а тутъ надо писать не чернилами,—нѣтъ,
кровью и сокомъ нервовъ. Посмотрите, что дѣлаетъ Общество
Газоваго Освѣщенія. И все это покрывается Думой и ея жал-
кими посредственностями. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ отъ
1 марта помѣщенъ Городской бюджетъ и его расходы на город-
скія школы. Это мизерное просвѣщеніе еще хуже газоваго освѣ-
щенія. А новый Литейный мостъ! И тутъ совершается гран-
діозное воровство при дневномъ свѣтѣ. Пожалуйста копните эту
кучу и чѣмъ дольше на ней остановитесь, тѣмъ лучше. Не
придется ли кстати упомянуть о письмахъ Пушкина. За что
и про что милымъ его дочкамъ понадобилось опошлять ихъ
папашу? За что и про что Тургеневъ взялся рекомендовать и
редактировать этотъ домашній хламъ, которому дальше семей-
наго бюро не слѣдовало ходить? Что сбарышничаль Стасюле-
вичъ, это понятно, но дѣти-то за что топчутъ память отца?
Вѣдь эта переписка роняетъ Пушкина хуже, чѣмъ „Записки“
Вигеля—ихъ автора. Да и что въ ней интереснаго? Что въ ней
общественнаго? Неужели всѣ обѣденныя меню и записки пра-
чекъ составляютъ историческіе документы? Пора бы этой по-
шлости положить конецъ, вразумивъ этихъ дураковъ, что не
всякій же домашній соръ имѣетъ право на историческое значе-
ніе. Знаете ли что: даже самые ярые поклонники Пушкина,
прочитавъ его письма, разочаруются въ немъ. Какой-то старый
дворецкій является передъ нами вмѣсто геніальнаго человѣка.
Вы пишете о Фойницкомъ. Этого дѣльца никогда не мѣшаетъ
вывести на свѣжую воду; но не скрою отъ Васъ, что мнѣ не
хотѣлось бы особенно реабилитировать Никитина: это тоже изъ
нашихъ—и фальшивой пробы. Вы особенно не довѣряйтесь ему;
я знаю по собственному опыту, что это за мальчикъ. Если къ
мартовской книжкѣ послѣдетъ „Калейдоскопъ“, то пожалуйста
не откладывайте Самарина дальше апрѣля. Даже было бы лучше,
если бъ Вы дали Самарина къ марту, а „Калейдоскопъ“ къ
апрѣлю.

2 марта 1878 г.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Посылаю Вамъ на всякій случай статью о Выссцкомъ, Минаевъ, Микъшинъ, Суворинъ и Достоевскомъ. Пожалуйста остановитесь соп ашого на безобразной выходкѣ Минаева. Это стоитъ; это что-то дотого безобразное, что между трактирнымъ (неразборчиво) и буфетчикомъ болѣе человѣческія отношенія, чѣмъ между литераторомъ и редакторомъ. Это прекрасный мотивъ для отвѣта „Петербургскому Листку“. Кто же, какъ не мелкая пресса создала подобнаго молодца? Кто узаконилъ скандалъ и хлестаковщину въ литературѣ, какъ не В. и Х. Вѣдь это ихъ башибузуки? И вотъ они теперь вездѣ даютъ себя знать и въ шиканьѣ Высоцкаго, и въ замѣчаніяхъ Ламанскаго, и въ развязности Суворина, и гдѣ же ихъ нѣтъ? Кровью надо писать эти вещи. Вилетъ выдаетъ себя за благороднаго человѣка, безграмотный Соколовъ за литератора. Чортъ знаетъ,—что такое.

Цензура мякнетъ и болѣе повадливѣй дѣлается. Пишите,—не стѣсняя себя: война облегчитъ прессу.

Душевно преданный Вамъ

Григорій Благосвѣтловъ“.

„Уважаемый Александръ Петровичъ. Все надѣялся побывать у Васъ и потолковать о дѣлишкахъ нашихъ,—а потолковать есть о чемъ,—но простудился и не могу отвязаться отъ горловаго катарра. Пожалуйста, дайте поскорѣе окончаніе „Калейдоскопа“; начало набрано и ждетъ конца. „Родину“ Радонежскаго доставятъ Вамъ, а Забѣлина предвосхитилъ Шашковъ, такъ какъ онъ уже говорилъ о немъ прежде. Иловайскаго, думаю, нечего трогать —....., пока не трогаютъ его. Стихотворенія я получилъ давно, но на эту книжку уже были напечатаны много принятыхъ и наобѣщанныхъ по словамъ Шеллера, и я просилъ бы Васъ, Александръ Петровичъ, не оставлять насъ пробой, а стихи пока приберечь до болѣе благоприятной минуты, ибо цѣлая куча есть такихъ стихотвореній Сурикова, Шеллера, Полонскаго, Быкова, которыя печатаются, по мѣрѣ надобности въ нихъ. Какъ бы намъ устроить свиданія наши хоть разъ въ недѣлю. Есть вещи, о которыхъ слѣдовало бы потолковать вкупѣ, особенно въ такое табунное время, когда

все ползеть врозь. Не обратитъ ли вниманіе „Калейдоскопъ“ на такую пошлую демонстрацію студентовъ, какая была напечатана во вчерашнемъ номерѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ пользу О. Миллера. Это значитъ не смѣй говорить того, чего мы не хотимъ, а говори только то, что мы думаемъ. Это значитъ заводить цензуру въ цензурѣ, бить литературу въ два кнута. Если Орловскіе дворяне наказываютъ „Голосъ“ за то, что онъ не поетъ въ унисонъ съ „Новымъ Временемъ“, то можетъ случиться, что послѣзавтра они всей прессѣ предпишутъ свою программу. Они молчали, когда „Голосъ“ говорилъ гадости и подлости, но возстали, когда онъ отклонился отъ табуннаго энтузіазма. Лавочники поняли лавочниковъ-издателей и начинаютъ бить по карману своихъ руководителей за то, что они рѣшаются смѣть свое сужденіе имѣть. Гнусно.

Крѣпко жму Вашу руку

Григорій Благосвѣтловъ“.

Сообщилъ С. Шпицеръ.

